

ЛИТЕРАТУРА

1. Гулыга, Е. В. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке / Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс. – М. : Просвещение, 1969. – 184 с.
2. Buscha, J. Grammatik in Feldern / J. Buscha, R. Freudenberg-Findeisen, E. Fortsteuter, H. Koch, L. Kuntzsch. – Ismaning : Verl. für Deutsch, 1998. – 336 S.
3. Sommerfeldt, K. E. Grammatisch-semantische Felder. Einführung und Übungen / K. E. Sommerfeldt, G. Starke. – Berlin ; München ; Leipzig : Langenscheidt – Verl. Enzykl., 1991. – 126 S.
4. Шендельс, Е. И. Практическая грамматика немецкого языка / Е. И. Шендельс. – 2-е изд., испр. – М. : Высш. шк., 1982. – 400 с.

The analysis of possible ways of transmitting the imperative modality when translating from German into Russian, based on the study of the translation of the youth series “Turkish for Beginners”, showed that the most common means of expressing the imperative modality in German have their corresponding equivalents in Russian. Direct substitution used for translation allows to maintain the degree of categoricalness of the original. The usage of other methods of translation often leads to an incorrect conveyance of categorical statements. The difficulties that translators come across when conveying the categorical aspect of imperative statements should be taken in consideration during translator trainings.

Поступила в редакцию 02.12.2019

И. И. Комаристова

СИМВОЛИЗАЦИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ КАК ДИНАМИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Материалом исследования в данной статье являются прецедентные феномены, используемые в американской художественной литературе как культурные символы.

В статье не только рассматриваются культурные символы, выявленные при исследовании американской художественной литературы периодов с 1987 по 2004 гг. и с 2014 по 2018 гг., но и делается вывод об их динамическом характере на основе сопоставительного анализа литературы данных периодов.

Каждая культура символична [1, с. 84]. Знание символов определенного языкового сообщества позволяет делать выводы о его культуре как мыслительном настрое или ментальной рамке, создаваемой общими ценностями, верованиями, символами, идеалами [2, с. 6]. «Не существует высказывания (ни символа, ни общественного поступка), в котором нельзя было бы не увидеть культурную обусловленность» [3, с. 21]. Представляется важным определить, какова роль культурных символов в американском языковом сообществе.

Большинство прецедентных феноменов, используемых авторами художественного дискурса, призвано воздействовать на читателя, заставляя его поверить в мир, который отображен в тексте. Но если разными авторами

делается ссылка на одну и ту же историческую персоналию, реалию или вымышленный персонаж десять и более раз (нижний порог достоверности проявления признака по У. Лабову) и при этом сохраняется смысл, с которым используются эти прецедентные феномены, то мы имеем право говорить об их символизации. Такие культурные символы могут выполнять различные функции, могут быть использованы в различных речевых актах для достижения поставленных целей.

Необходимо отметить, что успешную коммуникацию могут обеспечить и прецедентные феномены, которые не являются культурными символами, так как прецедентные феномены, характеризуясь общеизвестностью, в большинстве случаев снимают сложности, возникающие в процессе коммуникации. Использование прецедентных феноменов в речевых актах увеличивает глубину смысла, так как в сознании осуществляется создание образа, на который делается ссылка. И именно увеличение глубины смысла ведет к ограничению вариативности понимания, так как в сознании коммуникантов возникает одинаковый образ. Если же прецедентный феномен является культурным символом в рамках языкового сообщества, то наблюдается более высокая степень ограничения вариативности понимания. Таким образом, процесс символизации в большей мере способствует снижению степени вариативности, что призвано обеспечить взаимопонимание. Тем не менее, обилие культурных символов в речевом акте способно усложнить взаимопонимание. С одной стороны, мы репрезентируем себя через использование культурного символа, который отражает наш уровень образования, фонд общих концептуальных знаний. С другой стороны, культурный символ призван обеспечить адекватное понимание, конечно, в том случае, если адресат четко представляет себе, какая ценностная система стоит за используемым в процессе коммуникации культурным символом. Поэтому кодирование информации о культурных символах с закрепленными за ними коннотациями осуществляется по-разному в рамках каждого языкового сообщества.

Фактором, влияющим на формирование культурного символа, является существенность его характеристик для данного общества.

Решающую роль при запоминании любой информации играет образность [4, с. 176]. Образы, стоящие за определенными символами, также способствуют более эффективной передаче информации в рамках определенной культуры, облегчая процесс понимания, поскольку «понимание – это когнитивное представление событий, действий, лиц и вообще ситуаций, о которых говорится» [4, с. 168]. Причем адекватное понимание возможно только в том случае, если коммуниканты являются функциональными членами сообщества и, разделяя общий язык, разделяют общую культуру [5, с. 244; 6]. Иными словами, успех коммуникации зависит от взаимно доступного знания ценностного содержания культурного символа и умения его правильно интерпретировать. Предполагается, что представители одной культуры, разделяя правила поведения и интерпретации речи [7, с. 54–55; 8], знакомы с ценностным значением культурного символа и владеют его

содержанием, что исключает необходимость его индивидуальной интерпретации. Исходя из определения Дж. Хофстеде о том, что культура – это коллективное программирование ума [2, с. 6], а также учитывая положение ван Дейка и Кинча о том, что «понимание включает в себя не только обработку и интерпретацию воспринимаемых данных, но и активацию и использование внутренней когнитивной информации» [4, с. 157–158], можно заключить, что культурные символы, используемые в рамках определенного языкового сообщества и являющиеся отражением его культурного наследия, «запрограммированы» в сознании людей с вполне определенными смыслами. Перед адресатом возникает задача правильно «считать» значение культурного символа, который был предложен адресантом, сопоставив его с той информацией, которая хранится у адресата в сознании, при этом «считывание» культурных символов происходит автоматически.

Здесь мы имеем дело с аналогом «ограниченного кода», который создает возможность для передачи коллективных символов в отличие от «свободных кодов», которые обеспечивают передачу индивидуальных смыслов [9; 10, с. 476–477]. То, что эти культурные символы действительно хранятся в сознании коммуникантов, подтверждается тезисом философов о том, что «слово, живущее в общении людей, позволяет уловить многогранность человеческого сознания» [11, с. 653]. Таким образом, использование культурных символов в процессе коммуникации экономит умственные усилия коммуникантов, интерпретирующих их одинаково, поскольку адресат и адресант опираются на фонд общих знаний данной культуры, что позволяет сделать процесс коммуникации более эффективным.

«Претендуя на языковую исключительность, люди в сходных коммуникативных ситуациях часто ведут себя поразительно одинаково. Это объясняется тем, что говорящие в каждый момент своей речевой биографии демонстрируют особенности своего группового поведения» [12, с. 112]. Из этого тезиса, созвучного словам Дж. Ферса, который писал, что «разговор – это в значительно большей степени предписанный ритуал, чем многим людям может казаться. Как только с вами кто-то заговорит, вы попадаете в относительно определенный контекст и вы не вольны говорить все, что вам вздумается» [13, с. 28], можно заключить, что при выборе культурных символов в процессе коммуникации сложно быть оригинальным. Конкретная ситуация, тема разговора, интенция говорящего влечет за собой выбор культурного символа, реакцию на который автор речевого произведения предвосхищает. Хотя «слушатель не является внешней целью речи, его присутствие, а точнее, ориентация на его возможное понимание включена в процесс производства речи» [14, с. 75].

Таким образом, для каждого ситуативного контекста существует свой набор культурных символов. Соответственно, если для определенной ситуации и темы разговора существует небольшой набор культурных символов, то именно они выходят на первый план в сознании обоих коммуникантов, поскольку одинаково идентифицируют ситуацию и тему разго-

вора. Разница лишь в том, что один из собеседников озвучивает в процессе коммуникации один культурный символ из перечня идентичных, т.е. целостный коммуникативный эффект создается здесь совместными усилиями адресата и адресанта. Это вновь подтверждает тезис о том, что процесс символизации служит гарантом взаимопонимания в процессе коммуникации.

В результате исследования американской художественной литературы периода с 1987 по 2004 гг. (период 1) выявлены особенности использования авторами имен в качестве культурных символов с положительной коннотацией (67 %).

Например, культурными символами женской красоты являются: Одри Хепберн, Шерли Темпл, Мэрилин Монро, принцесса Диана.

*Carolyn Zim had been so pretty – like **Shirley Temple** only without the dimple* [16, с. 151].

Культурные символы мужской красоты – это Фрэнк Синатра, Кларк Гэйбл, Том Круз, Мел Гибсон, Гаррисон Форд.

*I thought he was so beautiful, ... like **Ralph Fiennes** or **Mel Gibson** on steroids* [17, с. 297].

Джеймс Бонд и Джон Вэйн в американской культуре являются культурными символами настоящих мужчин. Естественно, в случае с Джоном Вэйном, образ сложился благодаря тем персонажам, которых играл актер. Этот образ прочно вошел в американскую культуру, символизировавшись в ней:

***John Wayne** is the hero of the thirties and forties and most of the fifties ... And we were off to the anti-hero and heroine. **John Wayne** has survived all this. Even into the present* [18, с. 243].

Культурным символом, репрезентирующим серьезную и сложную для понимания литературу, является Ф. М. Достоевский:

*He admitted that «my pictures aren't **Dostoevsky**, they're popcorn for the head»* [19, с. 333].

Э. Хэмингуэй в американской культуре является эталоном в сфере литературы:

*He's an idealist and a dreamer and a good writer. He's close to **Hemingway*** [20, с. 89].

А. Эйнштейн символизирует ум и интеллект:

*I knew enough physics to see there weren't aqueducts under the railway to take floodwater off once it breached the levees. Aman didn't need to be **Einstein*** [21, с. 97].

Культурным символом добра является мифологический персонаж Санта Клаус:

*His face was all kindness, the visage of a modern-day **Santa Claus*** [22, с. 463].

Мать Тереза является символом милосердия:

*It turns out that Ma Prarty, a kind of **Albert Schweitzer** or **Mother Teresa**, has really been rather indiscriminate in her distribution of prescription drugs* [23, с. 172].

При исследовании американской художественной литературы периода I выявлены особенности использования писателями имен в качестве культурных символов с отрицательной коннотацией (33 %).

Примерами культурных символов тирании и агрессии являются имена Гитлера, Муссолини, Сталина, Наполеона:

*She cocked her head to one side. She looked me up and down. I could see what she was thinking: short and aggressive like **Napoleon*** [24, с. 280].

Культурным символом, передающим состояние страха, является фильм «Psycho».

*He grabbed Juliette and held the cleaver up high. Shades of **Hitchcock's Psycho*** [25, с. 288].

Минни Маус и Дональд Дак представляют комический образ, подчеркивающий нелепость внешнего вида:

*Her multilayered white Nikes look absurdly big at the end of her skinny legs, like **Minnie Mouse** in her roomy shoes* [16, с. 7].

Годзилла символизирует уродство:

*He looks even worse than deformed **Godzilla*** [26, с. 393].

Оценочное значение мифологических прецедентных феноменов-символов в исследованных текстах не нарушается. Это связано с тем, что миф предлагает однозначное толкование, достаточно четкую характеристику персонажа, в которой заключена и отображена либо его положительная, либо его отрицательная оценка. Когда создается миф, который предлагает объяснение либо однозначно характеризует какое-то явление, то другого объяснения этих явлений для него не существует [15, с. 434].

Речь идет не только о символизации мифологических персонажей. Многие представители американской культуры стали в некотором роде мифологемами, за многими прочно закрепились определенные оценочные смыслы, которые распространились в рамках данного языкового сообщества, и представители этого сообщества, как нам кажется, не задумываются об источниках и причинах их происхождения.

Большая часть символов относится к американской истории и культуре (60 %), что свидетельствует о явно выраженном этноцентризме американского мышления. Однако необходимо отметить, что этноцентризм – явление глобальное, которое характерно не только для американцев, поскольку любое языковое сообщество, пытаясь сохранить свою идентичность и самобытность, дорожит тем культурным наследием, которое складывалось в течение продолжительного периода времени, и, соответственно, пытается передавать это культурное наследие из поколения в поколение. Вместе с тем, материал исследования показал, что определенное значение для американского языкового сообщества имеют и символы, представляющие мировую культуру, входящие в фонд общечеловеческих знаний. И те, и другие относятся и к ядру, и к периферии интертекста и являются культурными символами, которые в своей совокупности репрезентируют американский культурно-познавательный фонд.

Однако хотелось бы отметить динамический характер культурных символов, который был установлен при сопоставительном анализе американской художественной литературы с 1987 по 2004 гг. и с 2014 по 2018 гг. (период 2). Так, например, через десятилетие только некоторые из них до сих пор актуальны в рамках американского языкового сообщества.

Э. Хэмингуэй в американской культуре продолжает оставаться эталоном в сфере литературы:

*«So, write the story. It doesn't have to be great. You don't have to be **Ernest Hemingway**. You're lucky you're getting a second chance»* [27, с. 333].

Установлено, что Санта Клаус все еще ассоциируется с добром, но его имя может упоминаться и с другими значениями:

*«It's too much, what you buy.» He saw piles of food and supplies through her eyes. He'd felt like a springtime **Santa Claus** at the store, but now he just felt like a super consumer on steroids* [28, с. 111].

Мэрилин Монро продолжает оставаться культурным символом. Она объект восхищения, подражания, вдохновения, настоящая икона стиля, что проявляется в желании женщин ее копировать:

*I'm leaning backward and pretend to fall into the tub, which causes my mother to gasp and then yelp as the curling iron touches the nape of her neck. She's in her **Marilyn** phase, short hair dyed platinum blond, red lipstick, and thick eyeliner. It might be a Vegas thing. I'm not sure about that* [29, с. 297].

Имена Гитлера и Сталина продолжают ассоциироваться с тиранией и агрессией:

*«It didn't occur to you that one of those young women might give birth to the next **Hitler** or **Stalin**, a human monster who could go on to kill millions of your fellow humans on this level of Tower.»* [30, с. 443].

Таким образом, положительно и отрицательно коннотированные прецедентные феномены могут представлять собой культурные символы. В результате исследования американской художественной литературы с 1987 по 2004 гг. были выявлены символы с положительной коннотацией: женской красоты, мужской красоты, ума и интеллекта, добра, милосердия, репрезентирующие серьезную и сложную для понимания литературу, эталон в сфере литературы. Культурными символами с отрицательной коннотацией являются: тирании и агрессии, передающие состояние страха, подчеркивающие нелепость во внешнем виде, уродства.

Исследование американской художественной литературы с 2014 по 2018 гг. подтвердило актуальность лишь некоторых из приведенных выше символов. Так, были выявлены символы тирании и агрессии, добра, женской красоты, эталон в сфере литературы.

Таким образом, можно предположить, что символизация – процесс нетипичный для современного американского языкового сообщества. Но именно динамизм как характеристика, обнаруженная при сопоставительном анализе американской художественной литературы периодов 1 и 2, позволяет нам допустить, что перемены в общественном сознании могут привести к очередному витку в процессе символизации. Другой вопрос, при каких обстоятельствах и с каким промежутком во времени это может произойти.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Dumont, L.* A Modified View of Our Origins / L. Dumont // M. Sainsbury (ed.) The Category of the Person. – New York : Columbia Un. Press, 1985. – P. 65–94.
2. *Hofstede, G.* The Confucian Connection: From Cultural Roots to Economic Growth / G. Hofstede, M. H. Bond // Organizational Dynamics, 1988. – № 16. – P. 4–21.
3. *Серио, П.* Как читают тексты во Франции / П. Серио // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса: сб. ст. / П. Серио [и др.]; под ред. П. Серио. – М. : Издат. группа «Прогресс», 1999. – С. 302–337.
4. *Дейк, Т. А. ван.* Стратегии понимания связного текста / Т. А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике / В. В. Петров [и др.]; под ред. В. В. Петрова, В. И. Герасимова. – М. : Прогресс, 1988. – Вып. XXIII: Когнитивные аспекты языка. – С. 153–211.
5. *Davidson, D.* The Method of Truth in Metaphysics / D. Davidson // Midwest Studies in Philosophy. – 1977. – № 2. – P. 244–257.
6. *Goodenough, W. H.* Componential Analysis and the Study of Meaning / W. H. Goodenough // Language. – 1956. – Vol. 32, № 1. – P. 195–216.
7. *Hymes, D.* On Communicative Competence / D. Hymes // J. Pride, D. Holmes (eds.) Sociolinguistics. – Harmondsworth: Penguin, 1971. – P. 55–83.
8. *Hymes, D.* Directions in Sociolinguistics / D. Hymes. – N. Y. : Basil Blackwell Inc., 1998. – 71 p.
9. *Bernstein, B.* Class, Codes and Control / B. Bernstein. – London : Routledge, 1971. – 223 p.
10. *Bernstein, B.* A Socio-Linguistic Approach to Socialization: With Some Reference to Educability / B. Bernstein // D. Hymes and J. Gumperz (eds). Directions in Sociolinguistics. – N. Y. : Halt, Rinehart and Winston, 1987. – P. 465–497.
11. Современный философский словарь / гл. ред. В. Е. Кемеров. – М. : Академ. Проект, 2004. – 862 с.
12. *Горелов, И. Н.* Основы психолингвистики / И. Н. Горелов, К. Ф. Седов; под ред. И. Н. Горелова, К. Ф. Седова. – М. : Лабиринт, 1997. – 220 с.
13. *Firth, J. R.* The Technique of Semantics / J. R. Firth // Papers in Linguistics 1934 – 1951. – London, 1957. – P. 7–33.
14. *Отье-Ревю, Ж.* Явная и конститутивная неоднородность: к проблеме другого в дискурсе / Ж. Отье-Ревю // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса: сб. ст. / П. Серио [и др.]; под ред. П. Серио. – М. : Издат. группа «Прогресс», 1999. – С. 54–95.
15. *Потебня, А. А.* Эстетика и поэтика / А. А. Потебня. – М. : Искусство, 1976. – 614 с.
16. *Updike, J.* Rabbit at Rest / J. Updike. – N. Y. : Ballantine Books, 1990. – 427 p.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

17. *Patterson, J. Hide and Seek / J. Patterson.* – Glasgow: Caledonian International Book Manufacturing Ltd, 1997. – 355 p.
18. *Hepburn, K. Me / К. Hepburn.* – N. Y. : First International Books Edition, 1992. – 430 p.
19. *Kellerman, J. Self – Defense / J. Kellerman.* – N. Y. : A Bantam Book. ISBN, 1995. – 511p.
20. *Steel, D. Vanished / D. Steel.* – London : Clays Ltd, St Ives plc., 1993. – 304 p.
21. *Keneally, T. Woman of the Inner Sea / T. Kenelly.* – USA : Plume, an Imprint of Dutton Signet, a division of Penguin Books Inc., 1994. – 277 p.
22. *Bushnell, C. Trading Up / C. Bushnell.* – Great Britain : Abacus, 2003. – 548 p.
23. *Updike, J. S / J. Updike.* – N. Y. : Fawcett Crest, 1988. – 299 p.
24. *Sheldon, D. My life as a Whale / D. Sheldon.* – N. Y. : AVON Books, 1992. – 258 p.
25. *Patterson, J. Kiss the Girls / J. Patterson.* – London : Clays Ltd, St Ives plc., 1996. – 451 p.
26. *Koontz, D. The Face / D. Koontz.* – Great Britain : Clays Ltd, 2004. – 672 p.
27. *Rowell, R. Fangirl / R. Rowell:* – London : Macmillan Children’s Books, 2014. – 459 p.
28. *Halverson, S. P. The House of Frozen Dreams / S. P. Halverson.* – London : HarperCollinsPublishers, 2015. – 388 p.
29. *Burt, A. The Good Daughter / A. Burt.* – London : AVON, a division of HarperCollinsPublishers, 2017. – 513 p.
30. *King, S. The Bazaar of Bad Dreams / S. King.* – N. Y. : Scribner, an imprint of Simon and Schuster, Inc., 2015. – 821 p.

The article deals with precedent phenomena in American fiction as the source of information about symbols that reflect culture. The article presents symbols revealed in American fiction from 1987 till 2004, and from 2014 till 2018. The comparative analysis of the symbols of these two periods makes it possible to come to the conclusion about their dynamic character.

Поступила в редакцию 16.12.2019

О. В. Лущинская

ДИСКУРСНЫЙ АНАЛИЗ КАК НАУЧНЫЙ МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ КОНВЕРГЕНТНЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматриваются вопросы дискурсного анализа. Описывается, что представляет собой данный анализ в понимании разных исследователей. Кратко охарактеризованы существующие методики дискурсного анализа, которые используются для изучения медийного дискурса. Предлагается авторская интегративная методика дискурсного анализа, опирающаяся на отдельные положения критического дискурса-анализа,